

ОТЗЫВ

официального оппонента о представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
диссертации М.Я. Каплуновой
«Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР»
Специальность – 10.02.19 Теория языка

Диссертация М.Я. Каплуновой посвящена теоретическому осмыслению сложного комплекса проблем, связанных с основными направлениями интенсивной языковой политики и функциональным развитием языков в современном многодиалектном и многонациональном Китае. Сведения о языковой политике в КНР можно найти не только в многочисленных китайских и западных, но также в отечественных работах разного объема и уровня. В первую очередь здесь следует назвать фундаментальную монографию М.В. Софронова «Китайский язык и китайское общество» (1979 г.) и недавно защищенную диссертацию В.А. Клиновского «Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века» (2012 г.). Основным же объектом исследования в диссертации М.Я. Каплуновой стал значимый как с общетеоретической, так и с практической точки зрения период, начало которого ознаменовалось в Китае принятием в 2001 г. уникального для этой страны закона о языке и письменности.

В основе первой главы диссертации лежит анализ китайских публикаций, в которых идет речь о социолингвистике как отдельном разделе языкознания. Важно отметить, что подобные теоретические исследования – в отличие от монографий и статей, посвященных конкретным проблемам языковой политики, – появились в Китае только с началом периода «реформ и открытости» на рубеже 1970-х и 1980-х годов и стали особо многочисленными в течение последних полутора десятилетий. Китайские лингвисты, как это было установлено М.Я. Каплуновой, находятся под явным влиянием новейших западных теорий и методов, но используемая в Китае система социолингвистических терминов существенно отличается от принятой в западных работах. Общеизвестно, что с недавнего времени в

китайских текстах разного стиля и назначения можно встретить не только записанные иероглифами фонетические заимствования из английского языка, но также английские слова в их исконном латинском написании и латинские сокращения – как употребляемые за пределами Китая, так и местные. Тем не менее в социалингвистических работах заимствованные из английского языка термины представляют собой традиционно доминировавшие в прошлом и по-прежнему преобладающие в использующем иероглифическую письменность силлабическом китайском языке кальки-переводы. Еще более существенно то, что китайские социалингвисты изобрели ряд собственных терминов, которые отражают особенности уникальной языковой ситуации в Китае с далеко отстоящими друг от друга китайскими диалектами и многочисленными языками малых народов. Так, в публикациях последних лет были предложены два параллельных термина – ранее существовавшее слово «материнский язык» (母语 *mǔyǔ*) и новое слово «материнское наречие», «материнский диалект» (母言 *mǔyán*); ср. 方言 *fāngyán* «диалект» с той же второй морфемой, восходящий к историческому словосочетанию «местные языки».

Во второй главе диссертации предпринята первая в своем роде попытка использовать для оценки разнообразных языковых ситуаций в современном Китае те классификационные критерии и термины, которые были предложены советскими/российскими лингвистами. Для большей части населенных пунктов в КНР соответствующие данные просто отсутствуют, поэтому М.Я. Каплунова решила сосредоточиться на тех объектах, которые сравнительно хорошо описаны в китайских работах. В итоге для этих объектов автором были выделены три доминирующих типа языковых ситуаций. Первый тип – ситуация в китаеязычных крупных городах на континенте, где в разных пропорциях сосуществуют местные китайские диалекты и *путунхуа* и, добавим, особые местные формы официального языка, которые когда-то назывались «синим языком чиновников». Второй тип характерен для национальных автономных районов, где один, два или

более языков народов КНР сосуществуют с тем или иным китайским диалектом/диалектами и официальным языком *путунхуа*. Я бы не назвала эту ситуацию недиглоссной, поскольку в автономных районах могут присутствовать как разные диалекты китайского языка, например, в Синьцзяне, так и весьма далеко отстоящие друг от друга разновидности языков самих малых народов, например, в Тибете. Третий тип – многоязычная ситуация в недавно возвращенных КНР Гонконге и Макао. Здесь китайские диалекты, прежде всего, кантонский с его давней развитой письменной традицией, сосуществуют, во-первых, с европейским языком или языками и, во-вторых, с активно внедряемым с недавнего времени *путунхуа*.

Наиболее новаторский, с нашей точки зрения, раздел появился в результате опроса, проведенного автором в 2014–2016 гг. с участием около 400 информантов, и содержится в пределах третьей главы диссертации. Китайцы-ханьцы, уроженцы главным образом северо-восточного и южного Китая, должны были указать в разработанных М.Я. Каплуновой анкетах, какую именно разновидность китайского языка они считают своим родным языком и как, с их точки зрения, эта разновидность китайского языка должна называться. Последнее особенно важно в связи с тем, что соответствующая система понятий и терминов неодинакова не только в европейских китаеведных работах и вообще в европейских языках, но также и в разных регионах самого китайского мира, в то время как в самом континентальном Китае она менялась на протяжении всего XX в.

Почти половина информантов-китайцев среднего возраста в качестве своего родного языка назвали диалекты, среди студентов – казалось бы, сравнительно образованных людей нового поколения – эта цифра достигла 67%, при том что на диалектах по-прежнему говорят примерно 80% населения страны. Примерно треть всех опрошенных М.Я. Каплуновой информантов считают своим родным языком ханьский язык (汉语 *hànyǔ* – язык китайцев-ханьцев). Термин имеет примерно такое же общее значение, как термин «китайский язык» в русском языке, и возник сравнительно

недавно в континентальном Китае вместо более архаичных 中国话 *Zhōngguó huà* – «речь Срединного государства, китайский язык» и 中文 *zhōngwén* «письменный китайский язык». И наконец, лишь 3% и 4% соответственно назвали в качестве родного официальный язык *путунхуа*, который использует стандартное пекинское произношение и подобрал часть лексики и отдельные грамматические элементы из северных диалектов в целом (по китайским данным, в разной степени владеют *путунхуа* примерно 70% жителей страны).

Вполне ожидаемо при этом, что согласно результатам проведенного М.Я. Каплуновой опроса, представители весьма близких в диалектном отношении Пекину провинций Хэйлунцзян и тем более Хэбэй, на территории которой находится Пекин, засвидетельствовали более высокий уровень владения *путунхуа* и большее число сфер его употребления, чем говорящие преимущественно на южных диалектах выходцы из провинции Хунань и жители провинции Гуандун, которая входит в зону распространения далеко отстоящих от пекинского южных групп Юэ и Минь. В то же время очень интересно, что среди студентов – этнических монголов, уроженцев Внутренней Монголии на севере страны, лишь 5% отметили, что они отлично владеют *путунхуа*. Возможно, это связано, в частности, с тем, что на территории Внутренней Монголии в основном распространены далеко отстоящие от пекинского и от *путунхуа* китайские диалекты особой группы Цзинь.

Как всякое многоплановое исследование, в основе которого лежат обширные материалы, диссертация М.Я. Каплуновой не лишена отдельных недочетов, может быть в чем-то дополнена и усовершенствована. Приведем некоторые примеры.

Как справедливо отмечает автор диссертации, генетическая классификация языков, принятая в КНР, по ряду важных моментов отличается от классификаций тех же языков, представленных с середины XX в. в западных и отечественных работах. Тем не менее следует учесть, что

новейшие китайские публикации в определенной степени уже ориентированы в классификационном отношении на западное языкознание. Так, в серии описаний языков народов КНР, которые китайские лингвисты планируют издать в ближайшем будущем, языки мяо-яо, традиционно включаемые в китайских работах в состав сино-тибетской семьи, будут выделены в отдельный том.

Родной язык маньчжуров и мусульман *хуэй*, отмечает М.Я. Каплунова (с. 102), не используется, оба эти народа в разное время полностью перешли на китайский. На самом деле, маньчжурский язык пока полностью не исчез из употребления, его носители были недавно обнаружены среди деревенских жителей на территории исторической Маньчжурии в провинции Хэйлунцзян. Что же касается мусульман *хуэй* (*хуэйцзу*), то исходно они были представителями разных народов и соответственно говорили не на одном, как это сказано в диссертации, а на нескольких родных языках. В настоящее время самоназвание *хуэй* сохраняется у небольших групп, говорящих на австронезийском языке на острове Хайнань и на смешанном китайско-дунсянском языке в провинции Ганьсу. К этому можно добавить, что хотя *хуэйцзу*, как это указано в диссертации, действительно используют китайский язык в качестве литургического, арабский они по-прежнему изучают в системе исламского образования разного уровня. Арабские книги хранятся в мечетях, там же и в исламских столовых и лавках по всему Китаю можно увидеть надписи на арабском языке.

Еще одно замечание: в процессе анализа языковых ситуаций Тайвань в целом, в отличие от своего административного центра Тайбэя, не должен быть, как это сделано в диссертации, объединен в одну группу с континентальными китаеязычными мегаполисами с учетом того, что аборигены Тайваня до сих пор говорят на своих исконных австронезийских языках.

Подобные уточнения ни в коей мере не снижают общего благоприятного впечатления от работы М.Я. Каплуновой. Совершенно

очевидно, что диссертация – самостоятельное исследование, выполненное на высоком уровне. В основе диссертации лежат, во-первых, уникальные новые данные, полученные автором от многочисленных информантов, и, во-вторых, анализ разнообразных по своему содержанию обширных социолингвистических материалов, которые были опубликованы в Китае на протяжении последних десятилетий. Работа полностью отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842 от 24.09.2013 г. Публикации и автореферат отражают основные положения диссертации, в то время как Мария Яковлевна Каплунова заслуживает присвоения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 Теория языка.

Завьялова Ольга Исааковна,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Федерального бюджетного учреждения науки
«Институт Дальнего Востока Российской академии наук».
Домашний адрес:
119333 Москва, Ленинский проспект, д. 60/2, кв. 82;
телефон: 8 499 137 7437;
электронный адрес: olgazavyalova@yahoo.com.

24.04.2017 г.

Личную подпись сотрудника ИДВ РАН

Завьялова О.И.

удостоверяю

Начальник отдела кадров П.Т. Милованова

